

ИЭН
МАКБЮЭН
ТАРАКАН

Внутри сферы. Проза Иэна Макьюэна

ИЭН МАКЬЮЭН

Таракан

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Макьюэн И.

Таракан / И. Макьюэн — «Эксмо», 2019 — (Внутри сферы.
Проза Иэна Макьюэна)

ISBN 978-5-04-115970-2

«Тем утром Джим Самс – не гений, но с усами – проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо». В прошлой жизни он был презираем многими, но в своем новом воплощении он самый могущественный человек в Британии. Он прибыл, чтобы исполнить важнейшую миссию, и ничто не сможет его остановить – ни оппозиция, ни члены его собственной партии, ни даже принципы демократии. Умно, остро, сатирически: вспоминая одно из самых известных произведений Кафки – «Превращение», Макьюэн рассказывает о современности, которая кажется слишком безумной, чтобы быть правдой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115970-2

© Макьюэн И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Один	6
Два	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иэн Макьюэн Таракан

Ian McEwan
The Cockroach

© Ian McEwan 2019

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Тимоти Гартону-Эшу¹

*Эта повесть представляет собой художественный вымысел.
Имена и характеры действующих лиц являются плодом авторского
воображения. Всякое сходство с реальными тараканами, живыми или
мертвыми, совершенно случайно.*

---

¹ Тимоти Гартон-Эш (род. 1955) – британский историк, автор книг и публикаций, посвященных политике и современной истории Центральной и Восточной Европы. *Здесь и далее примеч. пер.*

Один

Тем утром Джим Самс – не гений, но с усами – проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо. Довольно долго он лежал на спине (не самая его любимая позиция) и ошарашенно смотрел на свои далекие ступни, их малочисленность. У него теперь было всего четыре конечности, и они не шевелились. Его прежние, коричневые, лапы – он уже испытывал по ним ностальгию – сейчас бы задорно месили воздух, пусть от этого и было бы мало толку. Он тихо лежал, борясь с паникой. У него во рту гнезился мясистый орган, влажный, скользкий кусок плоти – какая гадость, особенно когда он сам собой ощупывал пещеру его рта и, как отметил Джим с тревогой, скользил по частоколу зубов. Он воззрился на всю длину своего тела. Окрас у него был, от плеч до щиколоток, бледно-голубой, с синей оторочкой на шее и запястьях, и с белыми пуговицами, шедшими в ряд вдоль слитного корпуса. Корпус периодически оведал порыв воздуха, приносивший не лишенный приятности запах разлагавшейся еды и зернового спирта, и Джим догадался, что это его дыхание. Его угол зрения досадно сузился – фасеточных глаз больше нет, – а буйство красок угнетало. Он начал понимать, что, по насмешке судьбы, его уязвимая плоть располагалась теперь снаружи скелета, который он даже не мог видеть. А как бы его утешил знакомый перелив коричневых пластин.

Все это было само по себе скверно, но, стряхнув с себя остатки сна, он осознал, что у него была какая-то важная одиночная миссия, хоть он и не мог вспомнить, в чем она заключалась.

«Я опоздаю», – подумал он, попытавшись приподнять с подушки голову, которая весила, должно быть, не меньше пяти килограммов. «Это так несправедливо. За что мне это?»

Фрагментарное сновидение, которое он видел, было глубоким и безумным, в нем его преследовало хрипкое эхо, звучащее в постоянном диссонансе. Только теперь, уронив голову обратно на подушку, он начал прозревать свой сон – мозаику воспоминаний, впечатлений и намерений, которую он безуспешно пытался сложить.

Да, он оставил приятно ветшавший Вестминстерский дворец втихую, по-английски. Как и было положено. Секретность прежде всего. Ему ли не знать. Но когда точно он двинулся в путь? Несомненно, после темноты. Прошлым вечером? Позапрошлым? Должно быть, он ушел через подземную парковку. Если бы он выбрал главный вход, ему пришлось бы миновать начищенные ботинки полисмена. Теперь он вспомнил. Он спешил вдоль водостока, пока не достиг края внушавшего ужас перекрестка Парламент-сквер. Увидев стоявшие в ряд, рокотававшие моторами машины, которым не терпелось впечатать его в асфальт, он бросился наперерез, к водостоку на дальней стороне. После чего – казалось, прошло не меньше недели – он преодолел другую внушавшую ужас дорогу, стремясь к нужной стороне Уайтхолла. Что дальше? Он пробежал много ярдов, это не вызывало сомнений, а потом остановился. Почему? Ах да, он вспомнил, в чем было дело. Тяжело дыша всеми своими дыхальцами, он отдохнул у большого водостока, чтобы подкрепиться выброшенным куском пиццы. Весь кусок он не одолел, но надкусил изрядно. Ему повезло, что это была «Маргарита». Он ее обожал. Никаких оливок. По крайней мере, ему ни одной не попалось.

Его новая громоздкая голова, как он обнаружил, могла без особых усилий поворачиваться на 180 градусов. Он повернул ее в одну сторону. Он находился в маленькой чердачной спальне, залитой резким утренним солнцем, – занавески не были задернуты. Рядом с кроватью стоял телефон, даже два. Его ограниченный кругозор охватил ковер и остановился на плинтусе с узким зазором под ним.

«Я мог бы заползти туда от утреннего света, – подумал он с грустью. – И был бы счастлив».

По другую сторону комнаты стоял диван, а рядом, на низком столике, хрустальный бокал и пустая бутылка виски. На кресло был наброшен костюм и чистая, сложенная рубашка. На столе побольше, у окна, лежали две папки, одна на другой, обе красного цвета.

Он понемногу наловчился двигать глазами, сообразив, что они действуют парно, без его участия. Он обнаружил, что язык лучше не высовывать наружу – так с него капало на грудь, – а держать во влажных пределах рта. Ужасно. Но он постепенно принаравливался управлять своим новым телом. Он способный. Что беспокоило его, так это необходимость выполнять неведомую миссию. Он знал, что должен принимать важные решения. Внезапно его внимание привлекло какое-то движение на полу. Он увидел миниатюрное тельце своего собрата, каким он был совсем недавно, и подумал, что смотрит на собственное тело, захваченное душой великана, в которого он превратился. Он смотрел, движимый заботливым интересом, как это крохотное создание перебирается по бороздам ворсистого ковра, направляясь к двери. Достигнув двери, путник остановился в нерешительности, шевеля усами с видом новичка. Наконец он собрался с духом и полез под дверь, за которой его ожидал трудный и опасный спуск. Путь до дворца был долгим, и одолеть его было под силу не каждому. Но если он сумеет туда добраться, избежав смертельных опасностей, его там ждет, за панельной обшивкой или под досками пола, безопасность и покой среди миллионов себе подобных. Джим пожелал ему удачи. Но ему следовало подумать и о собственном положении.

И все же Джим не шелохнулся. Это мало что поменяло бы – любое движение тщетно, пока он не сложит отдельные события, приведшие его в эту незнакомую комнату, в связанное путешествие. Так что он вернулся к воспоминаниям. Подкрепившись пиццей, он поспешил дальше, почти не обращая внимания на суматоху наверху, занятый тем, чтобы держаться в тени водостока, но далеко ли он продвинулся, он не знал. Следующее, что он помнил, это возникшее на пути препятствие, а именно навозную горку, еще теплую, чуть курившуюся. При других обстоятельствах он бы обрадовался. Он считал себя в некотором смысле гурманом. Умел жить с комфортом. А это добро он мог узнать без колебаний. Да и кто бы не узнал этот пикантный аромат с нотками бензина, банановой кожуры и седельного мыла. Конная гвардия! И зачем он только наелся пиццы. «Маргарита» отбила у него аппетит к навозу, пусть даже к такому свежему и изысканному, – ни малейшего желания, учитывая его усталость, карабкаться наверх. Он присел в тени горки, на ее упругой подошве, и раскинул умом, как быть дальше. После секундного раздумья ему стало ясно, что делать. Он решил забраться по вертикальному гранитному бордюру, чтобы обойти этот завал и спуститься с другой стороны.

Лежа теперь в спальне на чердаке, он решил, что как раз тогда он утратил свободную волю, или иллюзию таковой, и подпал под влияние более могучей силы, увлекшей его за собой. Забравшись на тротуар, он подчинился коллективному сознанию. Он был крошечным элементом системы такого размаха, что никакой отдельный разум не мог ее постичь.

Он заполз на верх бордюра, отметив, что навозные кучи занимают третью часть пути через тротуар. А затем, откуда ни возьмись, на него вдруг налетела буря, грохот десяти тысяч ног, вместе с пением и ревом, свистом и воплями. Очередная безумная демонстрация. И в такое позднее время. Эти сумасброды создавали неприятности, вместо того чтобы сидеть дома. В последнее время акции протеста устраивались почти каждую неделю, нарушая работу общественных служб, мешая рядовым законопослушным гражданам заниматься своими делами. Он застыл на бордюре, ожидая, что его сейчас раздавят. Подошвы шагавших – каждая длиннее его в пятнадцать раз – утаптывали асфальт в нескольких дюймах от того места, где он съехался, дрожа усами. К счастью, в какой-то момент он взглянул наверх, поддавшись духу фатализма. Он был готов к смерти.

Но как раз в тот миг он увидел возможность спасения – зазор в процессии. До следующей волны демонстрантов оставалось пятьдесят ярдов. Он увидел, как плещутся по ветру их транспаранты, развеваются флаги, желтые звезды на голубом. И Юнион Джеки. Никогда еще за всю свою жизнь он не несся с такой скоростью. Запыхавшись всеми своими дыхальцами, он достиг тяжелых железных ворот на другой стороне, за пару секунд до того, как демонстранты продолжили утаптывать тротуар, топоча как бешеные кони, улюлюкая и ударяя в барабаны.

Охваченный смертным страхом и негодованием (не самое лучшее сочетание), он соскочил с тротуара и, спасая жизнь, заполз под ворота и оказался на благословенной, относительно тихой боковой улице, где тут же узнал уставной ботинок полисмента. Как всегда, кстати.

Что дальше? Он последовал по пустому тротуару, мимо ряда дорогих домов. Он определенно действовал по плану. Коллективное феромонное бессознательное членистоногих наделило его инстинктивным пониманием правильного курса. После получаса однообразного движения он остановился, словно иначе и быть не могло. На дальней стороне улицы собралась толпа примерно из сотни фотографов и репортеров. А на его стороне, на одном с ним уровне, располагалась дверь, у которой стоял еще один полисмен. Едва он это отметил, как дверь открылась и показалась женщина на шпильках, чуть не раздробив ему девятую и десятую брюшные доли. Дверь осталась открытой. Возможно, ожидался гость. Джим заглянул в гостеприимный, мягко освещенный холл, с плинтусами, довольно потертыми – это обнадеживало. Поддавшись внезапному импульсу, словно чужой воле, он вбежал внутрь.

Он неплохо устроился, учитывая обстоятельства, если лежал на этой незнакомой кровати и вспоминал такие подробности. Приятно было знать, что его мозг, точнее разум, почти не пострадал. Несмотря на это превращение, он сохранил свое истинное «Я». В холле он направился было к плинтусу, но затем увидел кошку и метнулся в сторону лестницы. Забравшись на три ступени, он оглянулся. Кошка, коричневая с белым, его не заметила, но Джим решил, что спускаться опасно. Так что он начал долгое восхождение. На втором этаже по пролету ходила уйма людей, переходя из комнаты в комнату. Растопчут и не заметят. Час спустя, когда он достиг третьего этажа, там нещадно пылесосили ковры. Он знал многих несчастных, погибших вот так, растворившись в пыльном небытии. Выбора не было, пришлось карабкаться выше, пока он не достиг... Его мысли разбежались от резкой трели телефона у кровати, на которой он лежал. Пусть он уже знал, что может двигать хотя бы одной конечностью – рукой, он не пошевелился. Он не доверял своему голосу. А если бы и доверял, что бы сказал? Я не тот, кто вы думаете? После четвертого звонка телефон стих.

Он откинулся на подушку и подождал, пока скачущий пульс придет в норму. Попробовал переместить ноги. Получилось, но только на дюйм. Снова подвигал рукой и поднял ее высоко над головой. Итак, что там с ним стряслось? Он взобрался на последнюю ступень и растянулся, тяжело дыша, на верхней площадке. Потом протиснулся под ближайшую дверь и оказался в жилой комнате. В обычных обстоятельствах он бы первым делом направился на кухню, но тут почему-то забрался по ножке кровати и из последних сил заполз под подушку. Должно быть, он спал глубоким сном... Раздался стук в дверь – что за черт, – и не успел он ничего сказать, как она раскрылась. На пороге возникла молодая женщина в бежевом брючном костюме и, коротко кивнув, вошла.

– Я пыталась позвонить, но потом решила, лучше подняться. Премьер-министр, уже почти семь-тридцать.

Он не знал, что на это ответить.

Женщина, очевидно какая-то помощница, вошла в комнату и взяла пустую бутылку. Держалась она весьма фамильярно.

– Вечерок, я вижу, тот еще.

Он понял, что должен что-то ответить. Лежа в постели, издал нечленораздельный звук, нечто среднее между стоном и хрипом. Неплохо. Выше, чем он рассчитывал, несколько пискляво, но вполне убедительно.

Помощница указывала на стол с двумя красными папками.

– Не думаю, что вам удалось...

Он решил для надежности повторить прежний звук, на этот раз чуть пониже.

– Возможно, после завтрака вы сможете... Я вам, пожалуй, напомню. Сегодня среда. В девять встреча с кабинетом министров. В полдень срочные вопросы и ВПМ.

Вопросы к премьер-министру ². Уж он их наслушался, замороженно сидя или крадучись за тухлявыми стенными панелями в компании нескольких тысяч сородичей. Эти громогласные вопросы лидера оппозиции, блестящая ответная окоlesiца, дерзкие колкости и расчетливое блеянье. Он не смел и надеяться, что когда-нибудь станет *primo uomo* ³ в этой еженедельной оперетте. Но справится ли он? Не хуже любого другого, надо думать. Только пробежит сперва эти бумаги. Он не раз мечтал, и не он один, залезть в красный чемоданчик ⁴. Теперь ему представилась такая возможность, пусть даже у него всего две ноги.

В том месте, где когда-то он щелкал изящными мандибулами, пришел в движение омерзительный мясистый орган, и он исторг свое первое человеческое слово.

– Точняк.

– Я внизу, сделаю вам кофе.

Он частенько потягивал кофе по ночам на полу кафетерия. Это мешало спать днем, но ему нравился вкус, особенно с молоком и сахаром. Он решил, что его подручным наверняка это известно.

Как только помощница вышла из комнаты, он откинул одеяло и сумел опустить свои ноги-колоды на ковер. Джим наконец встал во весь рост, такой внушительный, что у него слегка закружилась голова, и, застонав, прижал рыхлые бледные руки ко лбу. Через пару минут, когда он вошел на нетвердых ногах в ванную комнату, эти же руки стали проворно снимать пижаму. Раздевшись, он встал босиком на теплый кафель, приятно гревший стопы. Глядя с изумлением, как его тело выдает бурливую струю в особый керамический резервуар, он воспрянул духом. Но, повернувшись к зеркалу над раковиной, снова приуныл. Щетинистый овал лица, покачивавшийся на толстой розовой шее, внушал отвращение. Глаза с черными зрачками шокировали. Пухлая темная плоть, обрамлявшая частокол грязно-белых зубов, вызывала омерзение.

«Но я здесь для высокой миссии и всё перетерплю», – заверил он себя, глядя, как его руки поворачивают краны и тянутся за мылом и кисточкой для бритья.

Пять минут спустя, выйдя из ванной нетвердым шагом, он почувствовал дурноту при мысли, что ему придется облачаться во всю эту одежду, разложенную для него. Его родной народ по праву гордился своими прекрасными, блестящими телами и никогда бы не подумал чем-то закрывать их. Белые подштанники, черные носки, рубашка в бело-голубую полоску, темный костюм, черные туфли. Он отстраненно смотрел, как его руки ловко завязывали шнурки, а затем – опять это зеркало в ванной – галстук. Причесывая рыжевато-каштановые волосы, он испытал внезапную тоску по дому – так этот цвет напоминал ему покинутых собратьев.

«Хотя бы что-то связывает меня с родиной», – подумал он меланхолично, выходя из комнаты.

Ему предстоял жуткий спуск по лестнице. Но он решил довериться своим ногам, как перед этим доверялся рукам, брившим и одевавшим его. Он спускался, крепко держась за перила, подавляя стон при каждом шаге. На пролетах с крутыми поворотами он вцеплялся в перила обеими руками. Со стороны могло показаться, что его мутит с похмелья. Однако он мог гордиться собой: еще вчера ему потребовался час, чтобы подняться по этой лестнице, но спустился он всего за семь минут. У подножия лестницы, в холле, его ожидала группа совсем молодых людей обоего пола, все – с папками.

– Доброе утро, премьер-министр, – пробормотали они нестройным хором, с почтением в голосе.

---

² По давней традиции премьер-министр раз в неделю отвечает на вопросы лидера оппозиции и других членов палаты.

³ *Итал.* «первый мужчина», исторически принятое обозначение главной мужской роли в опере.

⁴ Чемоданчик для секретных правительственных документов.

Никто из них не посмел взглянуть ему в глаза, и все они ожидали, что он им скажет. Прокашлявшись, он выговорил:

– Что ж, приступим, пожалуй.

Больше ничего на ум ему не приходило, но тут, наудачу, к нему протолкался человек, постарше других и в таком же дорогом костюме, как у него, и, взяв за локоть, увлек за собой по коридору.

– На пару слов.

Открылась дверь, и они вошли в комнату.

– Ваш кофе здесь.

Они были в комнате правительства. Посередине длинного стола, перед самым большим креслом, стоял поднос с кофе, к которому премьер-министр устремился с такой прытью, что последние шаги почти бежал. Он надеялся успеть первым и завладеть сахарницей. Но к тому времени, как он опустился в кресло, весьма строгого вида, ему уже налили кофе. Сахара на подносе не было. И даже молока. Однако в серой тени кофейника он различил полумертвую синюю муху. Ее крылышки то и дело подрагивали. Джим заставил себя отвести взгляд от мухи, когда к нему обратился другой человек. Ему казалось, он вот-вот чихнет.

– Насчет Комитета 1922 года ⁵. Знакомые все, мать их, лица.

– А, да.

– Прошлым вечером.

– Конечно.

Дрожавшие мушиные крылья издавали легчайший шелест покорности судьбе.

– Рад, что тебя там не было.

Синяя муха, умершая больше чем десять минут назад, чересчур горчит. Но полуживая или едва умершая имеет привкус сыра. Стилтона, по большей части.

– Да?

– Это мятеж. Во всех утренних газетах.

Ничего не поделаешь. Премьер-министр понял, что сейчас чихнет. Он почувствовал, как его распирает. Наверное, из-за недостатка пыли. Он ухватился за подлокотники. Его словно взорвало, и на миг ему показалось, что он отключился.

– Будь здоров. Шла речь про вотум недоверия.

Когда он поднял дурацкие веки, закрывшие ему глаза, мухи уже не было. Он ее сдул.

– Ебать.

– Я тоже так подумал.

– Куда же... В смысле, куда они клонят?

– Все туда же. Ты тайный оборотист. Отлыниваешь от проекта. Не можешь справиться в одиночку. Ничего не выжмешь из парламента. Никакого стержня. Такого рода вещи.

Джим пододвинул к себе чашку и кофейник. Мухи не было. Он поднял поднос из нержавеющей стали. И там тоже.

– Я такой же разворотист, как и остальные.

Молчание специального советника, если Джим угадал его должность, не обнадеживало. Затем он сказал:

– Нам нужен план. И побыстрее.

Джим различил валлийский акцент. Уэльс? Маленькая страна далеко на западе, известная своими холмами, дождями и коварством. Джим обнаружил, что знает какие-то вещи, разные вещи. Причем не так, как раньше. Его знание, как и зрение, сузилось. Ему не доставало

---

⁵ Комитет 1922 года, официально известный как Комитет консервативных частных членов, является парламентской группой Консервативной партии в палате общин Великобритании.

всеохватного и непрерывного единства со своим народом, бескрайнего ресурса феромонного океана. Но он наконец сумел вспомнить миссию, возложенную на него.

– Какие предложения?

Раздался громкий стук по дереву, открылась дверь, и вошел высокий человек в костюме в тонкую полоску, с массивной челюстью и маслянисто-черными зализанными волосами.

– Джим, Саймон. Не против, если я присоединюсь? Плохие новости. Только что пришла шифровка от...

Саймон не дал ему договорить.

– Бенедикт, это частный разговор. Будь добр, отвали.

Министр иностранных дел, не изменившись в лице, развернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь подчеркнуто тихо.

– Чего я не выношу, – сказал Саймон, – в этих мажорах из частных школ, так это их самомнения. Не считая тебя, конечно.

– Согласен. Какой у нас план?

– Ты сам сказал. Сделай уступку радикалам, они потребуют большего. Дай им палец, руку оттяпают. Как только какие проблемы с проектом, у них все кругом виноваты. Особенно ты.

– И?

– Общественные настроения качаются. Фокус-группы рассказывают новую сказку. Наш социолог звонил с результатами вчера вечером. Налицо всеобщая усталость. Страх неизвестности. Тревога о том, за что они голосовали и что получили в итоге.

– Да, я в курсе, – соврал премьер-министр.

Было важно сохранять лицо.

– Дело вот какое. Нужно изолировать радикалов. Вотум сраного доверия! Объявить перерыв в парламенте на несколько месяцев. Вразумить ублюдков. А лучше даже изменить курс. Сделай крен...

– Seriously?

– Точно говорю. Крен тебе не помешает...

– К оборотистам?

– Да! Парламент будет у тебя в ногах валяться. Ты получишь большинство – наверняка.

– А как же воля нар...

– Да хуй с ними. Чмошники наивные. У нас парламентская демократия, и ты главный. В хозяйстве застой. Страну раздирают противоречия. Какой-то ультраразворотист обезглавил парламентария-оборотиста в супермаркете. Гопник из оборотистов вылил коктейль на известного разворотиста.

– Просто кошмар, – согласился премьер-министр. – Блейзер только из химчистки.

– Это полный бардак. Пора с этим кончать, Джим, – сказал он и добавил мягко: – Это в твоей власти.

Премьер уставился на лицо советника, впервые по-настоящему рассмотрев его. Лицо у него было узким и длинным, со впалыми висками, карими глазками и туго сжатыми губами. Образ дополняли седая трехдневная щетина, кеды и черный шелковый костюм поверх футболки с Суперменом.

– Ты говоришь интересные вещи, – сказал наконец премьер.

– Это моя работа – держать твое кресло, и другого пути у нас нет.

– Это будет... будет... – Джим не мог подобрать слово, хотя феромонные аналоги так и вертелись у него в уме. – Полный разворот!

– Не совсем. Я просмотрел кое-какие из твоих речей. Там достаточно, чтобы закопать тебя. Сложности. Сомнения. Задержки. То, за что радикалы тебя ненавидят. Ширли может подготовить почву.

– Действительно интересно, – Джим встал и выпрямился. – Мне нужно отдельно поговорить с Ширли перед встречей с кабинетом. И мне понадобится несколько минут побыть одному.

Он стал обходить длинный стол, направляясь к двери. Он начинал получать удовольствие от своей размашистой походки и нового чувства власти. Как ни странно, можно чувствовать себя устойчиво даже на двух ногах. Его почти не беспокоило, что он так вознесся над землей. И он был даже рад, что не съел синюю муху в присутствии другого человека. Его могли неправильно понять.

– Тогда подожду, что ты надумаешь, – сказал Саймон.

Джим протянул руку к двери и легко сомкнул пальцы своей новой, необычной, руки на дверной ручке. Да, он справится с этим новым агрегатом. Он повернулся, медленно, получая удовольствие от этого, и посмотрел в лицо советнику, который все так же сидел в кресле.

– Я уже надумал. Твое заявление на увольнение должно быть на моем столе через полчаса, и чтобы к одиннадцати тебя не было в здании.

Пресс-секретарь, миниатюрная, обходительная женщина по имени Ширли, вся в черном и в больших очках в черной оправе, нервировала Джима своим сходством с самкой жука-рогача, врага их рода. Но они быстро нашли общий язык, когда она выложила перед ним веером газеты с недружественными заголовками.

– Джим в дым!

– Во имя Бога, вон отсюда! ⁶

То, что Джим избавился от Саймона и назвал радикальных разворотистов, сидевших в задних рядах, «знакомые, мать их, лица», помогло придать новостям безобидный и комичный оттенок. Джим с Ширли хихикали, читая их. Но более серьезные газеты признавали, что вотум недоверия вполне возможен. Премьер-министр со своей командой сторонился как оборотистов, так и разворотистов. Все считали его соглашателем. Пытаясь задобрить оба фланга, он всех настроил против себя.

«В политике, – как написал один известный обозреватель, – двурушничество – это смертный приговор».

Общее мнение сводилось к тому, что даже если он удержится у власти, сам разговор о вотуме подорвет его авторитет.

– Это мы посмотрим, – сказал Джим, и Ширли громко рассмеялась, словно он сказал что-то крайне остроумное.

Он направился к выходу, намереваясь побыть в одиночестве и подготовиться к следующему заседанию. Дав Ширли указания обнародовать заявление Саймона об увольнении, он вышел на улицу, готовый отрицать перед репортерами любые подозрения в своей некомпетентности. Ширли не выразила удивления по поводу отставки своего коллеги. Напротив, кивнула с довольным видом и продолжила собирать утренние газеты.

Опаздывать на заседание кабинета было дурным тоном для всех, кроме премьера. Когда он вошел в комнату, все уже сидели за столом. Он занял свое место, между канцлером и министром иностранных дел. Нервничал ли он? Не особо. Он был подтянут и готов к бою, словно уличный спринтер. Его главной заботой было выглядеть убедительно. Он знал с той же уверенностью, с какой его пальцы завязывали галстук, что перед тем, как начать говорить, следовало выдержать паузу и каждому уверенно взглянуть в глаза.

В тот миг, когда он встретился взглядом с пустыми глазами Тревора Готта (канцлер герцогства Ланкастерского, затем министр внутренних дел, министр юстиции, лидер палаты, министр торговли, министр по транспорту и министр без портфеля), он пережил пронзитель-

---

⁶ Заключительные слова знаменитой речи Оливера Кромвеля, разогнавшего парламент в 1653 году.

ное узнавание, и его охватила, пройдя сквозь сердце и разлившись по позвоночнику, неимоверная, восхитительная, запредельная радость. Снаружи он сохранял спокойствие. Но он ясно понял это. Почти все в его кабинете разделяли его убеждения. И что еще более важно – он понял это только сейчас – они были его сородичами. В тот жуткий вечер, когда он устремился в Уайтхолл, он думал, что выполняет одиночную миссию. Ему не приходило на ум, что он был не единственным, кто нес великое бремя этого задания, что и другие его сородичи направлялись в различные министерства, чтобы завладеть другими телами и показать, на что они способны. Пара дюжин отборных представителей его народа пришли захватить и направить безвольное руководство в нужное русло.

Тем не менее имелась небольшая проблема, чужеродное присутствие. Изменник в его стане. Он тут же распознал его. В раю всегда есть дьявол. Всего один. Вероятно, кто-то из храбрых посланников его народа не сумел добраться до своего объекта, пав во имя их общего дела под ногами людей, что было не удивительно с этими демонстрациями. Когда Джим взглянул в глаза Бенедикта Сент-Джона, министра иностранных дел, он наткнулся на гладкую неприступную стену его сетчатки и не смог проникнуть дальше. Этот взгляд был непроницаем. Никакого узнавания. Это был всего лишь человек. Лазутчик. Доносчик. Враг народа. Один из тех, кто мог взбунтоваться и проголосовать против собственного правительства. С ним нужно было разобраться. Впрочем, спешить не стоило. Возможность еще представится.

Но остальные были с ним заодно, и он моментально их узнавал под внешним человеческим обликом. Все они были братья и сестры. Радикальный кабинет, претерпевший превращение. Сидя за столом, они никак не выдавали своей истинной природы и того, что было им известно. До чего же они походили на людей! Глядя в их млекопитающие глаза различных оттенков серого, зеленого, голубого и карего, и сквозь них, в мерцающее нутро их тараканьего естества, он принял и возлюбил своих коллег и их ценности. Они были с ним едины. Скованные железной решимостью и волей к успеху. Вдохновленные идеей, чистой и волнующей, как кровь и земля. Движимые к непостижимой обычной логикой цели ощутить мистическое единство нации, достичь взаимопонимания столь же простого и благого, как религиозная вера.

Что также сплачивало эту храбрую группу, это уверенность в неминуемых лишениях и страданиях, пусть они, как ни жаль, и не коснутся их лично. Но также было несомненно, что их победа принесет широким массам блаженное чувство глубокого и возвышающего самоуважения. В этой комнате, в этот миг, не было места слабым. Страна была готова освободиться от постыдного рабства. Лучшие из них уже сбрасывали свои оковы. Скоро с шеи нации будут сброшены паршивые оборотисты. Хотя всегда есть те, кто впадает в нерешительность у открытой двери клетки. Пусть они дрожат под гнетом избирательного права, оставаясь рабами расценного и бесславного режима, находя единственное утешение в своих графиках и диаграммах, своей бесплодной рациональности и жалкой трусости. Если бы только они знали, какой эпохальный шаг совершался без их участия, минуя анализы и дебаты на своем пути в историю. История уже вершилась за этим самым столом. Судьба нации выковывалась в тихом огне кабинета министров. Возобладал уверенный разворотизм. Поздно идти на попятный!

Два

Истоки разворотизма теряются в тумане прошлого, и отыскать их – если у кого возникнет подобное желание – не так-то просто. До недавнего времени эта концепция считалась не более чем мысленным экспериментом, послеобеденной забавой, шуткой. Она была прибежищем эксцентриков, одиноких мужчин, писавших зеленой ручкой письма в газеты. Из тех, кто могут сесть вам на уши в пабе и просвещать битый час. Но сама эта идея, стоило в нее вникнуть, была не лишена определенной красоты и простоты. Давайте развернем денежный поток, и тогда вся система экономики, а с ней и сама нация, очистится, избавится от несуразиц, растрат и несправедливостей. Под конец рабочей недели сотрудница передает заработанные тяжелым трудом деньги компании за все рабочие часы. Но когда она идет по магазинам, то получает щедрую компенсацию в виде розничных цен на каждый купленный товар. Закон запрещает ей копить наличность. Деньги, положенные в банк, под конец трудного дня в торговом центре мобилизуют высокие отрицательные процентные ставки. До того как ее сбережения будут сведены к нулю, ей следует найти более высокооплачиваемую работу. Чем лучше работа, а значит, выше зарплата, тем усерднее она должна покупать товары, чтобы оплачивать ее. Тем самым стимулируется экономика, возрастает число квалифицированных работников, все в выгоде. Домовладелец должен неустанно заказывать промышленные товары, чтобы оплачивать своих жильцов. Правительство приобретает ядерные электростанции и расширяет свои космические программы, чтобы радовать рабочих налоговыми подарками. Управляющие отелями обеспечивают лучшее шампанское, мягчайшие простыни, редкие орхидеи и лучших музыкантов в лучших оркестрах, чтобы отель мог позволить себе постояльцев. На следующий день после успешного выступления музыкант должен активно покупать товары, чтобы оплатить свой следующий выход на сцену. Полная занятость гарантирована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.